

Ф.Г. Жарский

ФЕТЮКОВ

Персонаж рассказа А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», заключенный Особого каторжного лагеря, однобригадник Ивана Денисовича Шухова. «Это был, — пишет А. Солженицын, — из последних бригадников, поплоче Шухова». «У Фетюкова на воле детей трое, но как сел — от него все отказались, а жена замуж вышла». Ему неоткуда ждать помощи.

Утром изображенного в рассказе дня его оставили в столовой стеречь завтрак Шухова, которому надзиратель приказал вымыть полы в надзирательской. Вернувшись в столовую, Шухов проверяет содержимое миски, считая, что «с Фетюкова станет, что он, миску стережа, из нее всю картошку выловил. Шакалить Фетюков всегда мастак», думает о нем Шухов.

Фетюков потерял в лагере человеческое достоинство. Он собирает окурки («из плевательницы вывернет, не побрезгует») и «неперегоревший табачок из них ссыпает в одну бумажку». Кавторанг Буйновский делает ему замечание: «Ну, что заразу всякую собираешь? Губы тебе сифилисом обмечет! Брось!»

Кроме того Фетюков ждет, у кого бы курящего окурочек выпросить. Только, например, Шухов закурил, «а уж через всю растворную на него глаза зеленые вспыхнули: Фетюков. Можно б и смилостивиться, дать ему, шакалу, да уж он сегодня подстреливал, Шухов видел...»

Фетюков на воле «в какой-то конторе большим начальником был. На машине ездил». В лагере его ставят на работу, для которой «ума не надо» — носилки с песком носить. Перед сильными он здесь унижается, но на неопытного в лагерной жизни кавторанга Буйновского «даже хвост поднял, покрикивал. Но кавторанг ему двинул в зубы раз, на том и поладили».

Работавший с Фетюковым в паре кавторанг «с каждым носилками становился расторопнее, а Фетюков все ленивее: идет, сучье вымя, носилки наклонит и раствор выхлопывает, чтобы легче нести. Костыльнул его Шухов в спину разок: “У, гадская кровь! А директором был — небось с рабочими требовал?” “Бригадир! — кричит кавторанг. — Поставь меня с человеком! Не буду я с этим м...ком носить!” Переставил бригадир: Фетюкова шлакоблоки снизу на подмости кидать, да так поставил, чтоб отдельно считать, сколько он шлакоблоков вскинет...».

В общем разговоре заключенных о порядках в лагере, когда Шухов, ранее сидевший в бытовом лагере, замечает, что «здесь поспокойней, пожалуй», Фетюков возражает: «Поспокойней! Людей в постелях режут! Поспокойней!..»

Его со значением поправляют — не людей, а стукачей! Беспокорство Фетюкова и напоминание товарищей характеризует его как потенциального доносчика.

За ужином Фетюков «свою миску из первых взял и ушел... по всей столовой походить — пошакалить, может, кто не доест.» После ужина он появился в бараке всхлипывающим, сгорбившимся, «у губы кровь размазана». «Опять, значит, побили его там за миски», — догадывается Шухов. «Ни на кого не глядя и слез своих не скрывая, прошел мимо всей бригады, залез наверх, уткнулся в матрас».

Шухову жаль его. «Срока ему не дожить. Не умеет он себя поставить». Шухов знает, ему «крепко запомнились слова его первого бригадира Куземина...: “...В лагере вот кто дышит: кто миски лижет, кто на санчасть надеется да кто к куму ходит стучать”».